

ЕВГЕНИИ ЛЕМ

ИНВАРИАНТ:

СЕВАСТОПОЛЬСКАЯ
ЛИХОРАДКА

Евгений Лем

**Инвариант:
Севастопольская лихорадка**

«Автор»

2026

Лем Е.

Инвариант: Севастопольская лихорадка / Е. Лем — «Автор»,
2026

Он пережил Орду.Пережил империи.Пережил всех, кого любил.В 1854 году бессмертный волк Ардан Хара-Усун, скрывающийся под именем Артемия Волконского, оказывается в осаждённом Севастополе. Там он встречает Номина — такого же оборотня, но ещё не сломленного веками, и Люсию — женщину, способную разбудить в нём забытое чувство жизни. «Севастопольская Лихорадка» — это роман о контроле и ярости, о любви и ревности, о цене бессмертия и о том, что даже вечный волк может проиграть самому себе.

© Лем Е., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава I. Берег	5
Глава II. Луна над бастионом	8
Глава III. После луны	12
Глава IV. Температура тела	16
Глава V. Наблюдатель	19
Глава VI. Управляемая форма	22
Глава VII. Теория смещения центра	27
Глава VIII. Второе полнолуние	30
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Евгений Лем

Инвариант: Севастопольская лихорадка

Глава I. Берег

Санкт-Петербург пах гниющей Невой и мокрой известью. Артемий Волконский сидел в тёмной комнате, где шторы не открывались годами. На столе – пустые бутылки, пузырёк с опиумной настойкой, неразобранные письма и пистолет. Он не любил стреляться. Он любил проверять – болит ли ещё.

Пуля входила в висок мягко. Через несколько минут плоть стягивалась, кровь темнела, а кость снова становилась целой. Он бессмертен. И это было не даром. Это было наказанием.

Когда-то его звали Ардан Хара-Усун. Пёс Батыя. Волчий князь без стаи. Теперь он – Артемий Волконский. Петербургский выродок с благородной фамилией и выжженной душой.

Он пил, потому что алкоголь притуплял слух – а слух у него был не человеческий. Он принимал опиум, потому что тот глушил запахи – иначе мир слишком громко жил. Он разрушал себя, потому что иначе вечность начинала шептать. Он смеялся. Одиночество – это не отсутствие людей. Это отсутствие стаи.

Весной 1854 года его вытащили из этого полумёртвого состояния повесткой. Служба. Юг. Севастополь. Он не сопротивлялся. Война – это шум. А в шуме легче забыться.

Севастополь встретил его пылью.

Пыль лежала на камне, на перилах пристани, на ресницах солдат, на свежих газетах с устаревшими новостями. Она висела в воздухе так густо, будто город пытались стереть ластиком, но не довели дело до конца.

Артемий сошёл на берег без спешки. Он всегда сходил без спешки – торопливость плохо сочетается с долгой жизнью. Корабль ещё не успел полностью пришвартоваться, а люди уже толкались, перекликались, искали знакомые лица. Он ничего не искал.

Ему шёл... двадцать седьмой год. Уже шестой век подряд.

Он не вёл счёт времени, но иногда ловил себя на том, что помнит детали, которых помнить не следует: форму облаков над Орхоном, оттенок камня, в который впитывалась кровь отца. Память не старела, как не старел он сам. Это было неудобно.

Война была удобнее.

Война всё объясняла. Странную молчаливость, шрамы без истории, отсутствие семьи. Война прощала рассеянный взгляд и давала право не отвечать на вопросы.

Он предъявил бумаги дежурному офицеру на пристани. Тот просмотрел их бегло, будто читал не документ, а прогноз погоды.

– В штаб. Там решат, куда вас определить, – сказал он и уже повернулся к следующему.

Город гудел, но это был не ровный гул столицы. Это был звук организма, который не спит от боли. Колёса повозок скрипели, носилки с ранеными переносили торопливо, но без паники – будто спешка стала повседневной обязанностью.

Артемий шёл по улице, и ему казалось, что Севастополь напоминает ему юрту перед бурей: всё на своих местах, но каждый знает, что скоро сорвёт крышу.

Штаб располагался в двухэтажном каменном здании с облупленной штукатуркой. Внутри пахло чернилами, потом и влажной формой. На длинных столах лежали карты, густо исписанные карандашом. Над ними склонялись люди с усталыми лицами.

Его представили как «Артемия Волконского, направленного для вспомогательной службы». Он не уточнял, какой именно.

– Опыт боевых действий имеется? – спросил сухой капитан, не поднимая глаз.

– Да.

– Где служили?

– В разных местах.

Капитан кивнул так, будто это был исчерпывающий ответ.

В углу комнаты стоял высокий офицер в тёмной форме. Он не участвовал в разговоре, но слушал. Молодой офицер с узкими скулами и степным разрезом глаз. Его лицо было спокойным, почти неподвижным. Смуглая кожа, прямой взгляд, осанка человека, привыкшего к седлу.

Когда капитан наконец поднял глаза, он указал на него:

– Поручик Номин Чонаев. Возьмёте его к себе на время.

Номин коротко кивнул.

И только тогда Артемий почувствовал лёгкое внутреннее напряжение. Не тревогу. Скорее, узнавание на уровне, который нельзя объяснить словами. Среди тысяч людей – один запах, который был не человеческим. Не звериным. Своим.

Номин протянул руку. Ладонь была тёплой, крепкой, с тонкими шрамами у основания большого пальца.

– Рад пополнению, – сказал он без улыбки.

– Взаимно, – ответил Артемий.

Их взгляды задержались чуть дольше, чем принято при первом знакомстве. Ничего в этом взгляде не было враждебного – только внимательность. Такая внимательность бывает у людей, которые привыкли оценивать пространство прежде, чем сделать шаг.

– Вы давно на фронте? – спросил Номин, когда они вышли из штаба.

– Достаточно.

– Привыкли?

Артемий задумался.

– К шуму – да. К паузам – нет.

Номин усмехнулся. Коротко, будто проверил, понял ли шутку.

– Здесь пауз мало, – сказал он. – Это хорошо.

Они шли рядом по узкой улице, и прохожие невольно расступались перед Номин. Не из страха – из инстинкта. Он занимал пространство естественно, как дерево занимает землю.

Артемий, напротив, двигался так, будто не касался её.

Госпиталь располагался в бывшем купеческом доме. Окна были распахнуты настежь, чтобы хоть как-то разогнать запахи. Внутри стоял густой воздух – смесь карболки, крови и сырости.

– Здесь мы теряем меньше, чем могли бы, – сказал Номин, открывая дверь. – Иногда это уже победа.

В комнате, заставленной столами, стояла женщина в светлом переднике. Рукава её были закатаны выше локтя, волосы собраны небрежно, но аккуратно. Она держала чью-то руку, пока врач накладывал повязку, и что-то тихо говорила раненому – не приказ, не утешение, а просто присутствие.

Когда они вошли, она подняла голову.

Взгляд её был ясным, как у человека, который не отводит глаз от боли.

– Поручик, вы обещали прислать помощника, – сказала она. Голос её звучал мягко, но без уступок.

– Прислал, – ответил Номин. – Артемий.

Она посмотрела на него внимательно. Не оценивающе – скорее, как будто пыталась запомнить.

– Люсия, – сказала она. – Нам не хватает рук и терпения. Если у вас есть хотя бы одно из этого – вы уже полезны.

– Руки есть, – ответил он. – С терпением сложнее.

Она улыбнулась. Лёгко, почти незаметно.

– Вы пьяны, – сказала она спокойно.

– Постоянно.

– Тогда выйдите. Здесь люди, которым больно по-настоящему.

Он усмехнулся.

– Поверьте, мадемуазель, я знаю, что такое по-настоящему.

Она подошла ближе.

Он ожидал, что она почувствует хищника.

Но она увидела человека.

– Нет, – тихо сказала она. – Вы не знаете. Вы просто устали жить.

Эти слова ударили сильнее пули. Он заметил, что она не боится смотреть прямо в глаза. Многие на войне учились избегать взгляда – в нём отражалось слишком много. В её глазах отражалась жизнь, и это казалось неуместным в комнате, где лежали люди без будущего.

Номин наблюдал за этим обменом репликами молча. В его взгляде мелькнуло что-то похожее на одобрение, будто он проверял, выдержит ли новенький это пространство.

Снаружи глухо ударила пушка. Никто не вздрогнул. Люсия уже повернулась к следующему раненому. Артемий закатал рукава.

Город не спал. И он тоже.

Глава II. Луна над бастионом

Они вышли из госпиталя уже в сумерках. Уведомление лежало у Номина в кармане, сложенное вчетверо, как нечто не особенно важное. Но его плечи были напряжены сильнее обычного.

– Полнолуние, – сказал он тихо, будто о погоде.

Артемий взглянул на небо. Луна поднималась неторопливо, уверенная в себе.

– Бывает, – ответил он.

В кармане его шинели позвякивала фляга. Он уже пил сегодня – достаточно, чтобы приглушить слух, но недостаточно, чтобы перестать слышать собственные мысли. Оптимальная доза. Он научился рассчитывать её шестьдесят лет назад, когда понял, что напиваться вусмерть – значит просыпаться в луже собственной крови с заживающей раной и не помнить, где её достал.

Номин бросил на него короткий взгляд. В этом взгляде было что-то вроде проверки.

– Ты пил, – сказал он не спрашивая.

– Да.

– На задание пойдёшь так?

Артемий посмотрел на него. Молодой. Горячий. Ещё верит, что трезвость и контроль – одно и то же.

– Лучше так, чем слышать, как у них кишки булькают, – ответил он спокойно. – Тебе бы тоже не помешало.

Номин промолчал. Но в его лице мелькнуло что-то – не осуждение. Любопытство.

Конверт с печатью капитана скрипнул при открытии. Бумага пахла чернилами и слегка коптела – как будто уже видела огонь и порох. Артемий прочёл текст спокойно. Номин стоял рядом, наблюдая.

– Ночная разведка, – сказал Артемий. – Северо-восточный склон. Старший офицер Ковалёв. Десять человек в группе.

Номин кивнул. Он уже понимал, что ночь на этот раз будет длинной. Полнолуние светило слишком ярко, чтобы оставаться незамеченными.

Солдаты собрались у склада. Все проверяли оружие, затягивали ремни и тихо переговаривались. Ковалёв, сухой и аккуратный, сразу разделил маршруты и предупредил: «Без шума. Без лишнего движения. Возвращаемся тем же путём». Ни один его взгляд не дрогнул – казалось, что он уже видел каждый исход ещё до начала.

Артемий стоял чуть в стороне, прислонившись к стене. Фляга снова перекочевала в руку. Глоток. Ещё один. Не чтобы напиться – чтобы слышать чуть тише, чувствовать чуть меньше. К нему подошёл молодой солдат – из тех, что ещё не научились отличать живых от мёртвых по запаху.

– Господин поручик, – сказал он неловко, – а правда, что вы в одиночку вышли из окружения под Балаклавой?

Артемий посмотрел на него. Мальчик. Лет восемнадцать. Глаза горят.

– Правда, – ответил он.

– И как?

– Быстро бегал.

Солдат засмеялся. Нервно. Остальные тоже обернулись. Артемий не поддержал разговор. Он смотрел на Номина, который стоял у края группы и молча наблюдал за сборами.

Чувствует, – подумал Артемий. – Чувствует луну. Чувствует, что внутри сейчас начнётся. И молчит. Он сделал ещё глоток.

Группа вышла за пределы укреплений. Луна заливала серые камни холодным светом. Морской ветер резал лицо и обнажал запахи войны: порох, пот, землю, кровь. Артемий шел тихо, наблюдая. Пьян он не был – давно уже научился держать дозу так, чтобы ноги не путались. Но мир чуть покачивался. Звуки были ватными. Это хорошо. Это значит, он не слышит, как у французов за две версты сердце стучит. Не слышит, как у Номина челюсть сжимается от напряжения. Номин двигался рядом, его дыхание ровное, но в глубине – что-то внутреннее, почти животное. Артемий знал это состояние. Сам проходил. Только у него оно длилось первые сто лет. А потом прошло. Или он просто перестал обращать внимание.

– Противник усилил ночные посты. Нам нужно понять, насколько. Двигаемся по оврагу, выходим к каменной гряде, наблюдаем. Если столкновение – отходим.

Солдаты кивали. Никто не спрашивал «что если». Война отучает от сослагательного наклонения. Когда они спустились в овраг, шум города исчез. Остались только шаги по гравиям и редкие команды шёпотом.

Артемий чувствовал, как ночь сгущается. Не вокруг – внутри Номина. Сначала это были мелочи. Челюсть стала напряжённее. Дыхание – глубже. Зрачки – шире, чем требовал лунный свет. Номин шёл молча, но его пальцы иногда сжимались, будто он пытался удержать нечто под кожей. Артемий молча протянул ему флягу.

Номин посмотрел удивлённо.

– Пей, – сказал Артемий. – Притупляет.

– Что?

– Всё.

Номин взял флягу. Сделал глоток. Поморщился.

– Гадость.

– Привыкнешь.

Номин вернул флягу. Но в его взгляде что-то изменилось. Будто он вдруг понял, что этот странный пьющий поручик знает о нём больше, чем говорит.

Первый выстрел раздался справа. Потом – второй, третий. Ковалёв упал почти сразу. Пуля вошла в шею. Он даже не успел отдать приказ.

Французы стреляли из-за гряды. Ещё несколько фигур поднялись с тыла. Это была не случайная встреча – их ждали.

– Вперёд! К камням! – крикнул кто-то.

Но камни не спасали. Пороховой дым быстро наполнил овраг. Солдаты стреляли почти вслепую. Крики были короткими – война не даёт длинных. Номин пошатнулся. Артемий увидел, как его пальцы впились в землю.

– Уходи, – прошептал Номин, не глядя. – Я не удержу.

Это было не признание. Это было предупреждение. Луна вышла из облаков полностью. И тогда Номин перестал сопротивляться. Его спина выгнулась. Рёбра будто расширились, плечи раздались. Это не было резким превращением – скорее, неизбежным, как прилив.

Француз, приблизившийся слишком близко, не успел понять, что перед ним уже не человек.

Рывок. Тело отлетело в сторону. Крик оборвался. Солдаты замерли на секунду – и эта секунда стоила им жизни.

Номин двигался с яростью, но без расчёта. Его сила была огромной, но слепой. Он рвал, сбивал, давил. Пули задевали его – он не замечал.

Но врагов было больше. Кто-то ударил его штыком в бок. Металл вошёл глубоко. Зверь взвыл. Этот звук не был человеческим.

Артемий почувствовал, как кольцо сжимается. Двое французов уже обходили их с фланга. Последний из русских солдат упал на колени, пытаясь перезарядить ружьё. Пуля настигла его раньше.

Остались только они двое. И тогда Артемий сделал выбор. Он позволил телу измениться. Не под давлением луны. А по воле.

Его форма сместилась быстро, но без судороги. Кости не ломались – они подчинялись. Мышцы не рвались – они выстраивались заново. Он стал ниже, плотнее, тише. Он не рычал. Движения его были экономны. Каждый удар – завершён. Каждый прыжок – рассчитан.

Номин в звериной форме на секунду замер. Он почувствовал вторую тень. Не такую, как он. Эта тень не горела. Она была холодной. Они действовали рядом – не согласовываясь, но не мешая друг другу.

Через несколько минут всё стихло. Французы лежали на камнях. Луна освещала овраг безразлично. Номин первым начал возвращаться.

Это было мучительно. Он упал на колени, кашляя, как человек после долгого бега. Когда он поднял голову, Артемий уже стоял рядом – снова человеком.

Чистым. Без дрожи. Без лихорадки.

– Ты не ранен? – спросил Номин, тяжело дыша.

– Нет.

Номин посмотрел на свой бок. Рана затягивалась, но медленно. Он чувствовал слабость, знакомую тяжесть после превращения.

Он поднял взгляд.

– Ты такой же как я, – сказал он тихо.

Артемий не ответил сразу.

– Волк?

– Сколько?

Вопрос повис в воздухе.

– Уже давно. Столько, сколько я себя помню.

В глазах Номина было не только удивление. Было восхищение. И страх. Он вдруг понял: его дар – вспышка. А этот человек – постоянство. По дороге назад они почти не говорили.

Артемий шёл рядом и впервые за долгое время думал не о прошлом. Он думал о будущем. Молодой. Сильный. Смелый. Но нестабильный. Его можно научить. Не форме. Контролю. Цена будет высокой. Но, возможно, не такой, как у Байкала. Мысль была опасной. Он давно никого не учил.

В штабе их встретили лампы и молчание. Дежурный офицер выслушал отчёт.

– Все погибли? – переспросил он.

– Да, – ответил Номин.

– Вы двое – без ранений?

– Да.

Пауза.

В углу кабинета стоял седой генерал. Его лицо было слишком спокойным для человека, получившего известие о потере офицера и восьми солдат.

Он подошёл ближе. Его взгляд был не сочувствующим. Исследующим.

– Интересно, – произнёс он. – Вы вышли из полного окружения. В темноте. И оба невредимы.

Он перевёл взгляд с одного на другого.

– Расскажите, как именно.

Артемий почувствовал лёгкий холод.

Этот человек верил не только в карты и ружья. Он верил в мифы. И, возможно, искал их. Номин впервые ощутил, что опасность может исходить не от врага снаружи, а от наблюдателя внутри.

Генерал улыбнулся едва заметно.

– Война, господа, – сказал он мягко, – иногда раскрывает в людях неожиданные способности.

Он задержал взгляд на Артемии дольше, чем следовало. И в этом взгляде было не подозрение. Предвкушение.

Когда они вышли на улицу, Номин остановился.

– Ты мог уйти, – сказал он. – Ты не обязан был оставаться.

– Мог.

– Почему не ушёл?

Артемию посмотрел на него внимательно.

– Потому что ты ещё не понимаешь, что с тобой происходит.

Номин выпрямился.

– Тогда объясни.

Артемию помолчал. Луна медленно бледнела.

– Не сегодня.

Но мысль уже закрепилась. И где-то в штабе седой генерал открыл тетрадь, на обложке которой не было ни звания, ни герба. Только пустое место. Для названия, которое появится позже.

Глава III. После луны

Утро в Севастополе всегда наступало неожиданно. Ночь ещё держалась за камни, за балки, за чёрные пятна на земле, а небо уже становилось бледным, как лицо человека после лихорадки.

Артемий не спал. Он сидел на узкой койке в казарме, положив ладони на колени, и слушал, как за стеной кто-то кашляет сухо и долго. Кашель здесь был таким же постоянным явлением, как пушки. Фляга лежала в кармане шинели, повешенной на спинку кровати. Полная. Тяжёлая. Он не притронулся к ней с тех пор, как они вернулись. Это не было решением. Просто – не хотелось.

Номин лежал напротив. Он уснул не сразу – тело ещё помнило форму, которую принимало ночью. Иногда его плечо дёргалось, будто он продолжал бежать. На его боку, под повязкой, оставался след штыка. Рана затянулась быстрее, чем полагалось, но не до конца. Кожа была горячей.

Артемий поднялся и подошёл ближе.

– Ты не спишь, – сказал Номин, не открывая глаз.

– Уже нет.

Номин медленно сел. Лицо его было бледнее обычного, под глазами легли тёмные тени.

– Сколько их было? – спросил он тихо.

– Достаточно.

– Я не помню половины.

Артемий кивнул.

– Это нормально.

Номин усмехнулся.

– Нормально? – повторил он. – Интересное слово для нашей ситуации.

Он провёл ладонью по лицу, задержался на скуле, будто проверяя, не изменилась ли форма.

– Ты не дрожал, – сказал он вдруг. – После.

– Нет.

– И не... – он замялся, подбирая слово, – не кричал от боли.

Артемий посмотрел в окно.

– Привычка, – ответил он.

Номин вздохнул, но не поверил. Он посмотрел на шинель Артемия, на оттопыренный карман.

– Фляга ещё есть? – спросил он.

Артемий перевёл взгляд на него.

– Есть.

– Налей.

Артемий не двинулся.

– Не надо тебе.

Номин усмехнулся – криво, почти зло.

– Ты сам мне дал. В овраге.

– То было другое.

– Что другое?

Артемий помолчал. Потом ответил:

– Там ты боялся, что убьёшь своих. А сейчас – что вспомнишь, кого убил.

Номин замер. Секунду они смотрели друг на друга. Потом Номин отвёл взгляд первый.

– Откуда ты знаешь? – тихо спросил он.

– Потому что я старше, – ответил Артемий.
Фляга осталась в кармане.

В штабе пахло крепким табаком и мокрой бумагой. На столах лежали списки погибших. Чернила на некоторых именах ещё блестели.

Штабс-капитана Ковалёва уже внесли в общий отчёт. Короткая строка. Без подробностей.

Генерал ждал их в отдельной комнате.

Теперь при дневном свете он выглядел старше, чем ночью. Его лицо было сухим, с тонкой сетью морщин вокруг глаз – не от смеха, а от привычки щуриться, рассматривая что-то далёкое.

– Господа, – сказал он мягко, – присядьте.

Стулья скрипнули.

– Потеря девяти человек – серьёзное обстоятельство, – продолжил генерал. – Особенно если двое возвращаются без единой царапины.

Он произнёс это без упрёка. Почти с любопытством.

Номин выпрямился.

– Мы оказались в низине. Засада. Стреляли с двух сторон. Мы отступали через гряды.

– Через гряды? – переспросил генерал. – В темноте?

– Луна давала свет.

Генерал кивнул.

– А враг? Не мешал?

Пауза.

– Мешал, – сказал Номин.

Генерал перевёл взгляд на Артемия.

– А вы, Волконский? Подтверждаете?

– Подтверждаю.

Генерал сложил пальцы домиком.

– Любопытно, – повторил он. – Двое молодых офицеров. Оба физически целы. Оба демонстрируют исключительную выносливость. Оба... – он сделал паузу, – крайне сдержанны в описаниях.

Тишина в комнате стала плотной.

– Война раскрывает в людях неожиданные способности, – сказал он наконец. – Иногда – скрытые.

Он поднялся и подошёл к окну.

– Вы когда-нибудь слышали, поручик Чонаев, о калмыцких преданиях?

Номин слегка нахмурился.

– Слышал, господин генерал.

– О людях, которые принимают форму зверя?

Пауза длилась долю секунды.

– Слышал сказки, – ответил Номин.

Генерал улыбнулся.

– Разумеется. Сказки.

Он повернулся к Артемию.

– А вы, Волконский? Верите в сказки?

– Нет, господин генерал.

– Жаль. Иногда в них больше истины, чем в донесениях.

Он отпустил их неожиданно быстро.

Когда они вышли, Номин остановился в коридоре.

- Он знает, – сказал он тихо.
- Он подозревает, – поправил Артемий.
- Это хуже.

В госпитале было шумно. Привезли новую партию раненых. Люсия стояла у стола, её руки двигались быстро и уверенно.

- Когда она увидела их, её взгляд задержался.
- Вы оба живы, – сказала она. Не вопрос. Утверждение.
- Пока что, – ответил Номин.
- Она подошла ближе. Осмотрела его бок.
- Это «пока что» выглядит как штык, – заметила она сухо.
- Пустяки.
- Пустяки обычно не кровоточат.
- Она перевела взгляд на Артемия.
- А вы?
- Ничего.

Она прищурилась.

- Совсем?
- Совсем.

Она смотрела на него чуть дольше обычного.

- Вы странно везучие, господа.
- Мы аккуратные, – сказал Номин.

Люсия промолчала.

Она наложила новую повязку Номину. Её пальцы касались кожи уверенно, но осторожно.

- У вас температура, – сказала она.
- После бега бывает.
- Это был не бег.

Номин не ответил.

Артемий наблюдал за ними. За её сосредоточенностью. За тем, как Номин старается не морщиться от боли. В этом было что-то болезненно человеческое. И потому – хрупкое. Он сунул руку в карман. Пальцы коснулись холодного металла фляги. Он подержал их там секунду. Потом убрал. Не открыл.

Позднее, когда шум стих, Номин сел на ступени у входа.

- Ты слышал, как он говорил о преданиях? – спросил он.
- Слышал.
- Если он начнёт копать...
- Он начнёт.

Номин провёл рукой по волосам.

- Я думал, что это только родовое. Наше. Закрытое.

Он посмотрел на Артемия внимательно.

- Ты не из моего рода. Но ты лучше. Откуда ты?
- Лучше – не значит правильное.
- Научи меня, – сказал Номин неожиданно.

В воздухе повисла пауза.

- Чему?
- Этому, – он коротко кивнул. – Чтобы не терять себя.

Артемий посмотрел на него. Молодой. Сильный. Гордость ещё не вытравлена войной. Можно ли передать контроль, не передавая проклятие?

- Это не быстро, – сказал он наконец.
- Мне некуда спешить, – ответил Номин.

Артемий чуть заметно усмехнулся.

– Ошибаешься.

Фляга в кармане была всё ещё полной. Он не притронулся к ней. Но пальцы снова легли на холодный металл. Просто чтобы помнить: она здесь. На всякий случай.

Поздний вечер. Госпиталь на несколько часов притих. С моря тянет прохладой. Люсия вышла к колодцу во дворе – вымыть руки и просто постоять в тишине.

Номин сидит на перевёрнутом ящике, держит кружку с водой.

– Вам нельзя так долго стоять, – говорит он. – Вы устали.

– Всем нельзя, – отвечает она. – Но все стоят.

Он улыбается. Его улыбка открытая, почти мальчишеская.

– Если война закончится, я уеду на юг, – говорит он неожиданно. – Там тёплый ветер и лошади не боятся выстрелов.

– И что вы там будете делать?

– Жить.

Он произносит это просто. Без философии.

Она смотрит на него чуть внимательнее.

– Вы говорите так, будто это редкость.

– Это и есть редкость, – отвечает он.

Он не флиртует. Он просто рядом. Тепло рядом.

С другого конца двора Артемий наблюдает. Не скрытно – просто не вмешиваясь.

Люсия замечает его.

– Вы тоже хотите на юг, Артемий? – спрашивает она.

– Я был там, – отвечает он.

– И?

– Там такие же люди.

Номин тихо усмехается.

– Он всё портит, – говорит он ей полушёпотом.

Она улыбается. В этом смехе уже есть лёгкая линия напряжения – два разных способа быть мужчиной.

В штабе генерал открыл тетрадь. На первой странице он аккуратно написал:

«О наблюдаемых аномалиях выживаемости и физической устойчивости в условиях ночного боя».

Чернила впитывались медленно. Он не спешил. Он никогда не спешил. Внизу страницы он добавил два имени. И поставил маленькую отметку на полях. Будто это было начало списка.

Артемий в это время стоял у окна казармы и смотрел, как над городом поднимается пыль. Он знал: война заканчивается. Но наблюдение – только начинается. И это беспокоило его куда сильнее.

Глава IV. Температура тела

Утро в госпитале начиналось не со света, а с запаха. Уксус, хлорная известь, мокрая шерсть шинелей, человеческая усталость – всё это смешивалось в плотный воздух, который не выветривался даже при настежь открытых окнах. Севастополь дышал порохом, госпиталь – болью.

Номин сидел на краю койки, спустив ноги. Он не любил лежать. Лежать значило быть слабым, а слабость в нём вызывала раздражение – не на других, а на себя.

– Вы должны ещё день провести в покое, – сказала Люсия, раскладывая инструменты на столике.

– Я в покое, – ответил он. – Я просто сижу.

– Сидение – это не покой. Это подготовка к тому, чтобы встать.

Он улыбнулся.

– А если я не собираюсь вставать?

– Тогда я прикажу.

Она сказала это без улыбки, и оттого вышло серьёзно.

Номин снял рубаху. Рана на боку, полученная в ночной вылазке, выглядела странно. Слишком аккуратно. Края стянулись так, будто прошло не двое суток, а неделя.

Люсия наклонилась ближе. Свет лампы скользнул по его коже.

– Вы быстро заживаете, – произнесла она тихо.

– Мне говорили, что я живучий.

– Живучесть и это – разные вещи.

Он посмотрел на неё. Прямо. Без насмешки.

– Это плохо?

Она на секунду задержала взгляд, словно примеряя вопрос к чему-то большему.

– Это... необычно.

Он хотел сказать что-то лёгкое, шутливое, но в дверях появился Артемий.

– Вам помочь? – спросил он спокойно.

– Держите лампу, – ответила Люсия.

Он подошёл ближе. Так близко, что Номин почувствовал его присутствие кожей. Тепло от лампы смешалось с другим теплом – тихим, устойчивым.

Артемий держал свет уверенно, не дрожа. Его лицо было неподвижным, внимательным, но не к ране.

Номин уловил это. Он не сразу понял, что именно его задело – взгляд или тишина.

– Спасибо, – сказала Люсия, когда перевязка была закончена.

Артемий кивнул.

– Берегите его, – добавила она.

И неясно было, к кому она обращается – к себе или к Артемию.

Днём госпиталь заполнился новыми ранеными. Разговоры, крики, шорох носилок. Люсия двигалась быстро, почти бесшумно, будто умела проходить сквозь хаос, не задевая его.

Артемий помогал переносить воду и бинты. Он не суетился, не отдавал приказов – просто оказывался там, где нужно. Это раздражало Номина больше, чем открытое соперничество. В этом не было борьбы – только присутствие.

Вечером Люсия вышла в коридор, оперлась на подоконник. Окно было распахнуто. С моря тянуло сыростью и солью.

– Вы всегда такой спокойный? – спросила она, не оборачиваясь.

Артемий стоял рядом.

– Нет.

– А когда нет?

Он задумался. Внизу по двору прошёл санитар с ведром, вода плеснула о камень.

– Когда появляется то, что можно потерять.

Она повернулась к нему.

– У вас кто-то есть?

– Нет.

– Был?

Он чуть улыбнулся.

– Было время.

Ответ показался ей странным, как если бы человек говорил о времени, а не о женщине.

– Вы старый душой, Артемий.

– Это лечится?

Она тихо засмеялась.

В этот момент из тёмного коридора вышел Номин. Он остановился, заметив их силуэты у окна. Разговор был негромким, но в нём чувствовалась отдельность – как будто мир сузился до двух фигур.

Номин не подошёл. Он вернулся назад. Не из ревности – пока нет. Из ощущения, что что-то уже происходит без него.

На следующий день Артемий и Номин шли по узкой улице к штабу. Камни под ногами были влажными, из домов пахло супом и гарью.

– Ты много с ней говоришь, – произнёс Номин, будто рассуждая о погоде.

– Она говорит со мной.

– Это не одно и то же.

Артемий посмотрел на него спокойно.

– Тебе это важно?

Номин пожал плечами.

– Она смотрит на тебя иначе.

– Иначе – как?

– Будто ты загадка.

– А на тебя?

Номин усмехнулся.

– Будто я – жизнь.

Между ними повисла пауза. Вдали глухо ударила пушка.

– Загадки решают, – сказал Номин.

– А жизнь? – тихо спросил Артемий.

– Живут.

Он сказал это просто. Но в слове «живут» прозвучала неуверенность – как будто он сам не знал, сколько ему отмерено. Артемий заметил это. И впервые подумал не о Номине как о возможном ученике, а как о сопернике. Не в силе. В смертности.

К вечеру в госпитале снова погасла лампа. Кто-то задел стол, металлический поднос упал с резким звоном.

Люсия, стоявшая у койки, на секунду потеряла равновесие.

Номин поднялся первым – быстро, слишком быстро для человека после ранения. Он схватил её за плечо.

Но Артемий оказался рядом почти одновременно. Их руки коснулись её – одна на плече, другая на талии. В темноте это ощущалось особенно ясно. Трое застыли. Зажгли свечу. Свет вернулся. Они отступили. Номин первым убрал руку. Артемий – последним.

Ничего не произошло. Ни слов. Ни взглядов. Но в воздухе осталась новая, едва уловимая температура. И каждый из них почувствовал её по-своему.

Глава V. Наблюдатель

Попытка прорыва началась на рассвете – в тот час, когда свет ещё не решается быть светом.

Туман с моря стлался низко, густо, как плохо выветрившийся дым. Французская артиллерия молчала. Именно это и насторожило Артемия. Война редко бывает тактичной – она любит шум.

Он стоял на бастионе, прислонившись к сырой кладке, и смотрел вниз, туда, где туман сливался с камнем. Первые силуэты появились почти бесшумно. Не пехота. Не колонна. Диверсанты. Слишком организованное молчание. Слишком уверенные движения. Они шли не в атаку – они шли внутрь.

Артемий не стал звать подкрепление. Он просто спустился. Первый удар был быстрым. Один из французов не успел даже вскрикнуть – только удивлённо вдохнул, когда нож вошёл под рёбра. Второй попытался выстрелить, но рука его дрогнула – слишком близко, слишком неожиданно.

Туман помогал. И ещё кое-что. Когда их осталось трое, они поняли, что их больше не семеро. Паника всегда пахнет одинаково. Артемий чувствовал её отчётливо – как запах горячего железа.

Он двигался быстро. Слишком быстро. Человек так не двигается. Кто-то успел разглядеть его лицо – и в этом лице не было ярости. Только сосредоточенность.

Последний из диверсантов попытался бежать. Артемий позволил себе мгновение. Короткое. Нечеловеческое. Мышцы перетекли, зрение стало резче, мир – медленнее. Он не дал телу измениться полностью, но позволил зверю выйти на поверхность.

Когда всё закончилось, туман уже начинал редеть. На камнях лежали тела. Артемий стоял посреди них, совершенно целый. Ни крови на лице. Ни царапины. Только дыхание – ровное. Слишком ровное.

Через час его вызвали в штаб.

Генерал-майор Александр Николаевич Серов сидел за столом, аккуратно разложив бумаги. На стене висела карта укреплений, исчерченная карандашом.

Серов был из тех людей, которые не повышают голос – они понижают его, и от этого становится тревожнее.

– Садитесь, – сказал он.

Артемий сел.

– Мне доложили, что вы в одиночку предотвратили диверсию.

– Я оказался ближе всех, – ответил он.

– Ближе всех, – повторил генерал.

Он смотрел не на лицо Артемия – на его руки.

– Вы не ранены.

– Нет.

– Странно.

Пауза.

– На войне часто гибнут самые осторожные, – продолжил Серов. – И выживают... другие.

Он поднял взгляд.

– Скажите, Артемий, вы верите в предопределение?

– В предопределение – нет. В закономерность – да.

Генерал чуть улыбнулся.

– Любопытный ответ.

Он встал, подошёл к окну.

– Я интересуюсь... необычными случаями. Историями о людях, которые не укладываются в статистику. О выживших. О тех, кто слишком быстро восстанавливается.

Он повернулся.

– Вы ведь не суеверный человек?

– Нет.

– Прекрасно.

Генерал кивнул.

– Тогда будем считать, что вы просто удачливы.

Артемий встал.

– Разрешите идти?

– Разрешаю.

Когда он вышел, Серов долго смотрел на дверь. И только потом записал что-то в небольшой кожаный блокнот.

Тем же вечером в штаб вызвали Номина. Он вошёл уверенно, почти беспечно.

– Садитесь, – сказал генерал.

Номин сел, не опуская взгляда.

– Вы участвовали в разведке на прошлой неделе.

– Так точно.

– Из всей группы выжили только вы и Артемий.

– Так получилось.

– Получилось.

Генерал повторил слово, как будто пробовал его на вкус.

– И сегодня вы находились на соседнем бастионе во время диверсии.

– Да.

– Вам доводилось замечать за собой... необычные свойства?

Номин чуть улыбнулся.

– В смысле?

– Быстрое заживление ран. Повышенную выносливость. Острый слух.

Молчание длилось чуть дольше положенного.

– Я калмык, ваше превосходительство, – сказал Номин спокойно. – Мы крепкие.

Генерал изучал его лицо.

– Да, – произнёс он. – Я читал кое-что о степных родах.

Номин почувствовал это слово – «родах».

– Я всего лишь солдат, – добавил он.

– Разумеется.

Генерал встал.

– Скажите, если бы вам предложили... служить иначе? В подразделении, где ценятся особые качества?

Номин прищурился.

– Это приказ?

– Пока – нет.

Пауза.

– Вы можете идти.

Серов остался один. Он открыл тот же кожаный блокнот. И сделал две пометки. Одинаковые.

Когда Номин вышел из кабинета, коридор показался ему уже. Не физически – просто воздух стал плотнее.

Он не спешил. Спешить значило признать тревогу, а тревогу он не любил.

Генерал задавал вопросы аккуратно. Слишком аккуратно. Про раны. Про слух. Про выносливость. Про род.

Род. Это слово в нём всегда звучало иначе, чем в других. Не как фамилия. Как приговор. Он вышел на улицу. Солнце клонилось к закату, свет был мягкий, почти мирный. Солдаты курили у стены, кто-то смеялся. Обычная жизнь. Слишком обычная.

Номин опёрся о камень бастиона и закрыл глаза. Полнолуние было всего два дня назад. Он помнил каждую деталь – не как сон, а как вторую кожу. Запах. Звук шагов в темноте. Собственное дыхание – другое. И ещё – взгляд Артемия.

Тот не удивился. Вот что не давало покоя. Не страх, не кровь, не смерть солдат. А то, что Артемий увидел – и не удивился.

Номин привык быть один в этом. Родовой дар передавался шёпотом. Отец не объяснял – только однажды сказал: «Если придёт ночь, ты поймёшь».

Ночь пришла. Но он не ожидал, что найдётся ещё кто-то, кто понимает. И при этом – отличается. Артемий не был таким же. Он был... спокойнее. Не носителем тайны – а её хозяином.

Номин открыл глаза. Если генерал что-то подозревает – это опасно. Если Артемий знает больше – это ещё опаснее. Он поймал себя на странной мысли. А если всё это – не случайность? Если их свели не война и не госпиталь? Он оттолкнулся от стены и медленно пошёл вниз по улице. Он не боялся смерти. Он боялся выбора.

Потому что сегодня в кабинете генерала прозвучал не приказ. Прозвучало приглашение. А приглашения – хуже приказов. Их можно принять.

И впервые с тех пор, как в нём проснулась волчья кровь, Номин задумался не о том, как выжить. А о том, на чьей стороне быть.

Вечерний ветер донёс с моря запах соли. Номин вдохнул глубже. И понял, что спокойствие Артемия его злит. Потому что спокойствие бывает у тех, кто уже сделал выбор. А он – ещё нет.

Глава VI. Управляемая форма

Номин проснулся до рассвета.

Не от шума.

От внутреннего напряжения – как будто что-то в нём просилось наружу.

Он уже начинал понимать, что это не просто родовой дар. Это давление. И если его не выпускать – оно начинает искать выход само.

Во дворе казармы стоял Артемий.

– Ты рано, – сказал Номин.

– Нет, – ответил тот. – Это ты поздно.

Серое небо медленно светлело. Вдалеке перекликались караулы.

– Ты хочешь понять, что с тобой происходит, – произнёс Артемий спокойно. – Или хочешь продолжать притворяться, что всё случайно?

Номин не улыбнулся.

– Ты знаешь.

Это не был вопрос.

– Да.

Пауза.

– Сколько ещё таких? – спросил Номин.

– Сейчас это не важно.

– Для меня – важно.

Артемий посмотрел на него внимательно.

– Если ты хочешь жить долго, тебе придётся научиться управлять этим. Иначе однажды ты проснёшься не в госпитале, а в цепях.

Номин нахмурился.

– Ты говоришь так, будто уже видел это.

– Я видел многое.

Он сделал шаг ближе.

– Сейчас не полнолуние. Это хорошо. Учиться нужно не в ночь, а днём.

– Учиться чему?

– Не превращаться, а сдерживаться. Вызвать силу по своей воле.

Номин усмехнулся.

– Это ты уже умеешь?

– Я умею больше.

Они вышли за пределы бастиона, туда, где разрушенные дома создавали пустые дворы без свидетелей.

– Попробуй почувствовать это, – сказал Артемий. – Не как зверя. Как мышцу.

– Это не мышца.

– Всё – мышца. Даже страх.

Номин закрыл глаза.

Он знал это ощущение: тепло в позвоночнике, напряжение в челюсти, зуд под кожей. Обычно оно росло до взрыва.

– Не отпускай полностью, – тихо сказал Артемий. – Только часть.

Номин сжал зубы.

И вдруг понял – он может остановиться на полпути.

Клыки выступили, но не полностью. Лёгкое давление в дёснах. Ногти потемнели, вытянулись на долю дюйма.

Он открыл глаза.

– Это...

– Это контроль, – сказал Артемий.

– Но я чувствую, как меня тянет дальше.

– Потому что ты привык отпускать всё. Это легче. Полная трансформация – как падение.

А держаться на границе – труднее.

Номин сделал шаг – и мир будто стал чётче. Звуки отделились друг от друга. Далёкий шорох крыши, дыхание Артемия, скрип дерева.

– Скорость, – сказал Артемий.

Номин сорвался с места.

Он не превратился. Он остался человеком. Но расстояние в десять шагов сократилось до одного дыхания.

Он остановился резко, едва не врезавшись в стену. Сердце билось быстро – но не бешено.

– Сила, – продолжил Артемий.

Номин ударил кулаком по обломку балки. Дерево треснуло. Он устоял на своей руке.

– Это невозможно.

– Это ограничено, – поправил Артемий.

Номин посмотрел на него внимательно.

– А ты?

Артемий не ответил.

– Самое трудное – остановиться, – сказал он спустя минуту. – Когда кровь начинает петь, ты должен приказывать ей молчать.

– А если не получится?

– Тогда ты будешь убивать тех, кого не собирался.

Слова повисли в воздухе.

Номин опустил взгляд на свои руки. Когти медленно втянулись. Клыки исчезли.

– Почему ты меня учишь? – спросил он.

– Потому что ты можешь научиться.

– Это не ответ.

– Другого не будет.

Номин вдруг понял.

Артемий не просто старше. Он другой. В нём не было напряжения. Не было страха срыва. Его сила не рвалась наружу. Она была подчинена.

И это пугало сильнее, чем полная трансформация.

– Ты давно такой? – тихо спросил Номин.

– Достаточно давно.

Номин кивнул. Впервые он почувствовал не соперничество. Ученичество. И это ощущение оказалось неожиданно тяжёлым.

Когда они вернулись к бастиону, солнце уже поднялось. Во дворе госпиталя Люсия развешивала простыни. Номин двигался иначе – чуть увереннее, чуть тише. Он чувствовал тело по-новому. Она заметила это сразу.

– Вы сегодня странно спокойны, – сказала она.

– Я тренировался, – ответил он.

– Стрелять?

Он посмотрел на Артемия, который задержался у ворот.

– Почти.

Она не поняла, но улыбнулась. Артемий наблюдал издали. Он знал, что сделал шаг, который нельзя отменить. Он дал Номину инструмент. Но вместе с инструментом он дал ему

выбор. И если Номин однажды решит использовать силу иначе – остановить его будет трудно. Даже ему. И это была первая трещина в их невидимом союзе.

В госпитале было тихо только по недоразумению. Тишина возникала не потому, что никто не страдал, а потому, что страдали уже без сил.

Люсия сидела за столом у окна и штопала порванный рукав чьей-то гимнастёрки. Свет падал на её волосы мягко, почти домашне. Если бы не глухой рокот орудий вдалеке, можно было бы решить, что это обычный вечер в мирном доме.

Дверь приоткрылась.

– Можно? – спросил Номин.

– Если принесли чай – можно. Если новые раны – нельзя, – ответила она, не поднимая глаз.

– Тогда я с чаем.

Он поставил кружку перед ней.

– Вы не обязаны это делать, – сказала она.

– А я не делаю это по обязанности.

Она улыбнулась. В его присутствии улыбка приходила легче. С ним было просто. Он не усложнял мир, не заглядывал за слова.

– Вы когда-нибудь думали, что будет потом? – спросил он, присев на край стола.

– После войны?

– Да.

Она отложила иглу.

– Я думаю об этом каждую ночь. И каждое утро забываю.

– Почему?

– Потому что слишком много людей не доживут до «потом».

Он посмотрел на неё внимательно.

– А вы должны.

– Почему это?

– Потому что вы живёте так, будто это последний день. А это... неправильно.

– Неправильно – жить? – она тихо засмеялась.

– Неправильно – не рассчитывать на будущее.

Она вдруг стала серьёзной.

– А вы рассчитываете?

Номин хотел ответить уверенно, но пауза вышла длиннее.

– Я... стараюсь.

Она смотрела на него так, будто видела за этим «стараюсь» нечто большее – страх, который он тщательно прятал.

– Вы хороший человек, Номин.

Он покачал головой.

– Это вы так думаете.

– А вы – нет?

Он усмехнулся.

– Я не всегда уверен, кем я становлюсь ночью.

Она не поняла буквального смысла, но почувствовала оттенок.

– Тогда оставайтесь собой днём, – сказала она мягко.

Он протянул руку – будто хотел коснуться её пальцев, но не решился.

– Я постараюсь.

Позже в тот же вечер Люсия вышла во двор. Луна ещё не взошла, но воздух уже был прозрачным и холодным.

Артемий стоял у стены, глядя на море.

– Вы избегаете света, – сказала она, подходя.

– Свет многое показывает.

– Это плохо?

– Иногда.

Она встала рядом. Некоторое время они молчали.

– Вы не спрашиваете меня о будущем, – заметила она.

– Я не люблю строить планы на то, что не зависит от нас.

– А что зависит?

Он повернулся к ней.

– То, как мы проживаем день.

Она улыбнулась.

– Вы говорите так, будто прожили слишком много дней.

Он не ответил.

Тишина между ними была другой – не лёгкой, как с Номином. Глубокой. Почти плотной.

– Вы когда-нибудь боялись потерять кого-то? – спросила она вдруг.

– Да.

– И что вы сделали?

– Ничего.

– Почему?

– Потому что иногда потеря неизбежна.

Она нахмурилась.

– Это звучит... холодно.

– Это звучит честно.

Она внимательно смотрела на него.

– С вами трудно, Артемий.

– А с Номином – легко?

Вопрос прозвучал ровно, но в нём была едва уловимая напряжённость.

– С ним... теплее, – призналась она.

Он кивнул.

– Это хорошо.

– Для кого?

Он чуть улыбнулся.

– Для него.

Она почувствовала в этом что-то большее, чем великодушие.

– А для вас?

Он посмотрел на неё так, что ей стало неловко.

– Для меня хорошо, что вы смеётесь.

Слова были простыми.

Но сказаны так, будто в них спрятано гораздо больше.

Она отвела взгляд первой. Люсия обнаружила себя в странном положении: она начала ждать шагов.

Если это был быстрый, уверенный шаг – она знала, что это Номин.

Если почти неслышный – Артемий.

С Номином она говорила о жизни.

О лошадях, о степи, о будущем доме, где не будет слышно пушек.

– Вы поехали бы со мной? – спросил он однажды вдруг.

Она засмеялась.

– Куда?

– Куда угодно. Главное – не здесь.

– Вы делаете это слишком просто.

– А зачем усложнять?

Она посмотрела на него долго.

– Потому что жизнь сложная.

– Не всегда, – возразил он. – Иногда нужно просто выбрать.

С Артемием всё было иначе.

– Вы могли бы уехать, – сказала она ему однажды. – Вы не обязаны оставаться.

– Обязанности редко бывают причиной.

– Тогда что?

Он задумался.

– Привязанность.

Она почувствовала, как внутри что-то дрогнуло.

– К кому?

Он не ответил. И это молчание оказалось сильнее признания.

Люсия начала замечать, что рядом с Номином она чувствует себя живой. Рядом с Артемием – нужной. Она не выбирала. Она не собиралась выбирать. Но в её взгляде появилось то самое напряжение, которое возникает, когда сердце начинает делиться.

Глава VII. Теория смещения центра

Война на несколько дней притихла – так притихает человек перед приступом кашля. Бастионы молчали, и в этом молчании было что-то тревожное.

Люсия всё чаще находила Артемия во дворе госпиталя. Не потому что искала. Потому что он там оказывался. Он помогал молча. Переносил ящики, чинил скамью, приносил воду. Делал всё так естественно, будто всегда знал, где его место.

С Номинем было иначе. Он входил шумно, приносил смех, рассказывал истории про степь, про скачки, про мальчишеские драки. С ним воздух становился легче. Но теперь Люсия всё чаще задерживалась в разговорах с Артемием. Они сидели у стены, где солнце грело камень.

– Вы не устаёте? – спросила она.

– От чего?

– От людей.

Он чуть улыбнулся.

– Я к ним привык.

– Это звучит не очень обнадеживающе.

– Привычка – самая устойчивая форма привязанности.

Она задумалась.

– А вы привязываетесь?

Он посмотрел на неё долго, слишком долго.

– Стараюсь – нет.

– А получается?

Он отвёл взгляд к морю.

– Иногда.

Она почувствовала, что разговор становится опасным, но не остановила его.

– Вы боитесь?

– Да.

Это было сказано без паузы.

Она удивилась.

– Чего?

Он ответил не сразу.

– Повтора.

Она не поняла, но почувствовала глубину. И вместо расспросов просто осталась рядом. Молчание с ним было другим. Не пустым – наполненным. И это начинало её затягивать.

Номин заметил перемену раньше, чем хотел признать. Он пришёл в госпиталь с яблоками, которые каким-то чудом достал у снабженцев. Хотел увидеть, как она смеётся, как обычно. Но увидел другое.

Люсия и Артемий стояли слишком близко. Они не касались друг друга – и всё же между ними было расстояние меньше допустимого.

Номин остановился. Не из ревности. Из ощущения, что в комнате появился третий смысл, которого раньше не было.

– Я вам не мешаю? – спросил он.

Люсия обернулась.

– Конечно нет.

Но её голос стал чуть тише. Артемий посмотрел на него спокойно. Слишком спокойно. И именно это спокойствие задело.

– Я принёс яблоки, – сказал Номин. – Редкость.

– Спасибо, – улыбнулась она. – Вы спасаете нас от цинги.

Он попытался пошутить в ответ, но слова вышли сухими. В тот вечер он ушёл раньше обычного.

Первый настоящий почти-конфликт случился во дворе.

– Ты избегаешь меня, – сказал Номин.

– Нет, – ответил Артемий.

– Тогда почему ты всё время рядом с ней?

Артемий посмотрел прямо.

– Потому что она рядом.

– Ты понимаешь, о чём я.

– Понимаю.

Пауза.

– И?

– И что?

В голосе Артемия не было вызова. Только ровность.

Номин почувствовал, как внутри поднимается знакомое тепло – не от луны, а от раздражения.

– Ты учишь меня контролю, – сказал он тихо. – Может, сам попробуешь?

Это было сказано мягко, но в словах чувствовался зуб.

Артемий приблизился на шаг.

– Я контролирую.

– Нет, – покачал головой Номин. – Ты прячешься.

Секунда.

Две.

Воздух стал плотным.

Номин почувствовал, как под кожей шевельнулась сила. Когти почти выступили.

Артемий заметил это сразу.

– Не сейчас, – сказал он тихо.

И в этих двух словах было больше приказа, чем во всём, что он говорил раньше.

Номин остановился.

С усилием.

Когти втянулись.

– Ты боишься, – произнёс он.

– Да, – ответил Артемий.

И это обезоружило сильнее, чем любой удар.

В тот вечер Артемий долго не мог остаться один.

Он вышел за пределы бастиона, к скалам.

Ветер был сильный. Волны били о камень с упорством, которое он понимал слишком хорошо.

Шесть веков он относился к чувствам как к гипотезам.

Люсия была сначала теоремой – красивая переменная в длинной формуле его существования – инварианта.

Но сегодня, когда Номин сказал: «Ты боишься», – он понял, что это уже не теория.

Он боится потерять её. Не как повтор прошлого. А как живого человека. Он поймал себя на мысли, что слушает её шаги. Что запоминает интонации. Что ждёт её взгляд. Это было опасно. Потому что всё живое умирает.

А он – нет.

И значит, если он позволит себе это чувство, он переживёт его.

На мгновение ему захотелось отпустить контроль. Дать зверю выйти, растворить мысль в скорости, в силе, в инстинкте. Но он остался человеком. И впервые за долгие годы это оказалось труднее, чем превращение.

Он прислонился лбом к холодному камню.

– Глупость, – произнёс он тихо.

Но слово не убедило. Потому что это уже не было глупостью. Это было начало.

Вечер был холоднее обычного.

Артемий вернулся к казарме поздно, когда большинство уже спало. Он рассчитывал на тишину.

Но у стены, где днём грелся камень, стояла Люсия.

Она не сразу заговорила.

– Я знала, что вы придёте сюда, – сказала она наконец.

– Почему?

– Вы всегда уходите, когда вам трудно.

Он остановился в нескольких шагах.

– Вам не стоит быть здесь.

– Почему?

– Потому что это... – он замолчал.

– Потому что это что? – спросила она спокойно.

Он не ответил.

Она подошла ближе.

– Вы думаете, я не понимаю? – сказала она тихо. – Вы всё время держитесь так, будто боитесь сделать шаг. Будто любое чувство – это ошибка.

Он смотрел на неё внимательно.

– Это может быть ошибкой.

– Для кого?

Он не нашёл ответа.

Люсия подошла совсем близко. Так близко, что между ними остался только холодный воздух.

– Вы боитесь потерять, – сказала она. – Но вы уже живёте так, будто потеряли.

Эти слова ударили точнее любого упрёка. Он хотел отступить. Но не сделал этого.

– Люсия... – начал он.

Она не дала договорить. Она сама коснулась его лица – осторожно, будто проверяя, реален ли он. Его кожа была холодной от ветра.

– Вы живой, – прошептала она.

И поцеловала его. Не страстно. Не отчаянно. Тихо. Как человек, который принимает решение.

На мгновение Артемий замер. Всё в нём – многовековая дисциплина, холодный расчёт, память о потерях – потребовало отступить. Но он не отступил. Он ответил. Сдержанно. Глубоко.

Так, будто это не первый поцелуй в его жизни – но первый за очень долгое время, который имеет значение. Когда она отстранилась, дыхание у неё было сбито.

– Теперь это не теория, – сказала она.

Он закрыл глаза на секунду. Он понял, что граница пересечена. И понял ещё одно – теперь это уже не только его выбор. Где-то в темноте бастиона ветер прошёл по камням.

И если бы Номин в этот момент вышел во двор, он бы увидел только две фигуры в полутьме. Но он не вышел. Пока.

Артемий смотрел на Люсию и впервые за шесть веков позволил себе не думать о том, сколько это продлится. И именно поэтому ему стало страшно.

Глава VIII. Второе полнолуние

Луна взошла рано.

Она не была особенно яркой – но достаточно полной, чтобы тени стали резче. В такие ночи звук шагов слышится дальше, а дыхание – глубже. Номин почувствовал это ещё днём.

Сначала – раздражение. Потом – тепло в позвоночнике. Потом – знакомое давление в челюсти.

Он старался держаться. Повторял то, чему учил его Артемий:
не отпускать всё.
держаться границу.
оставаться человеком.

Попытка французского штурма началась ближе к ночи.

Не артиллерия – сапёры. Под прикрытием темноты они пытались подойти к укреплениям, заложить заряд под стену.

Номин шёл в составе небольшой группы на перехват.

Артемий двигался рядом – тихо, внимательно.

– Дыши ровно, – сказал он негромко.

– Я дышу, – процедил Номин.

Он уже чувствовал запах. Не пороха. Крови.

И луна поднималась выше.

Столкновение произошло внезапно.

Первый француз вышел из тумана почти бесшумно.

Номин услышал его раньше, чем увидел – ткань шинели шуршала иначе, чем русская. Он шагнул вперёд, ударил прикладом в висок. Кость треснула глухо, как сухая ветка.

Второй выстрелил. Пуля прошла слишком близко – Номин почувствовал, как горячий воздух обжёт щёку.

Он не думал. Он уже двигался. Удар ножом – под рёбра. Поворот. Рывок. Лезвие вошло глубже, чем требовалось. Когда он вытащил его, вместе с кровью вышел хрип – и что-то мягкое, скользкое, почти живое. Запах ударил мгновенно. Горячий. Металлический.

И луна поднялась еще выше. Мир стал резким. Слишком резким.

Он услышал, как за десять шагов бьётся сердце другого человека. Слишком быстро. Слишком громко.

Номин рванулся. Он не видел лица – только шею. Пальцы уже не были пальцами.

Когти прорезали кожу легко, как мокрую ткань. Горло разошлось. Кровь брызнула тёплой дугой, обжигая руки. Крик оборвался бульканьем.

Кто-то сзади ударил его штыком. Металл вошёл в плечо. Он не почувствовал боли. Он почувствовал злость.

Номин развернулся и схватил солдата за голову. Пальцы вдавились в виски. Секунда – и он ударил лбом о каменную стену. Раз. Два. Череп треснул. Что-то белёсое выступило среди крови. И вот тут он почти исчез. Спина выгнулась. Челюсть вытянулась. В горле зародился звук – не человеческий.

Он хотел отпустить. Хотел упасть на четыре конечности. Хотел рвать.

Артемий оказался рядом в ту же секунду, когда ещё один француз бросился с саблей.

Он перехватил клинок рукой – лезвие рассекло кожу, но кровь выступила лениво, почти неохотно.

Другой рукой он ударил. Не в грудь. В челюсть. Кость хрустнула так громко, что даже сквозь выстрелы было слышно.

Он не убивал с яростью. Он убивал точно.

Удар в колено – сустав вывернулся. Шаг в сторону – нож под подбородок. Рывок – тело на землю.

Но когда он повернулся к Номину, то увидел не солдата.

Он увидел зверя, застывшего на границе.

Глаза – золотистые. Зрачки вытянуты. Из пасти капала кровь.

Под ногами лежал человек с разорванной грудной клеткой – рёбра торчали, как сломанные дуги. Сердце ещё дёргалось.

Кровь уже была повсюду.

Номин стоял над телом, грудная клетка которого была раскрыта, как неправильно вскрытый сундук. Рёбра торчали неровно – одно сломано внутрь, другое вырвано наружу. Его рука всё ещё сжимала то, что секунду назад было человеческим сердцем.

Сердце дёрнулось. И затихло. И вот тогда началось. Он почувствовал это не как мысль – как механическое движение внутри скелета. Позвоночник щёлкнул. Один позвонок сместился, затем второй. Как будто кто-то изнутри проворачивал металлический механизм.

Ключицы вытянулись. Плечи разошлись шире. Челюсть затрещала. Не метафорически – по-настоящему.

Сухожилия натянулись до боли, затем начали удлиняться. Дёсны вспухли, разорвались в нескольких местах, и клыки выдвинулись дальше, чем позволяла человеческая анатомия.

Он захрипел.

Пальцы выгнулись назад – суставы перестраивались. Ногти прорезали кожу, кровь потекла по запястьям, смешиваясь с чужой.

Он падал вперёд. Колени уже искали другую опору.

Грудная клетка сжималась и расширялась рывками – рёбра перестраивались, под кожей шли волны, будто что-то толкало их изнутри.

Ткань мундира лопнула на спине.

Кожа треснула вдоль позвоночника тонкой линией, и из неё проступила тёмная, густая шерсть.

Это было уже не «частично». Это был переход. Артемий увидел момент невозврата. Он не закричал. Он шагнул вперёд.

Пуля просвистела мимо – он не обратил внимания.

Он схватил Номина за затылок – пальцы впились в ещё человеческие волосы, но под ними уже чувствовалась иная форма черепа.

– Смотри на меня.

Номин зарычал.

Это был звук, в котором не осталось слов.

Челюсть вытянулась ещё на пару сантиметров. Сустав щёлкнул так громко, что даже сквозь выстрелы было слышно.

Если бы процесс продолжился ещё секунду – лицо потеряло бы человеческую конфигурацию.

Артемий позволил своей форме сдвинуться сильнее, чем раньше.

Его собственные кости ответили глухим внутренним треском – но в отличие от Номина, у него это было без разрыва, без боли. Как привычный механизм.

Глаза стали светлыми, почти металлическими.

Он ударил Номина ладонью в грудь – не чтобы ранить.

Чтобы сбить ритм.

Грудная клетка Номина дёрнулась. Один из перестраивающихся рёберных отростков вернулся на место с болезненным щелчком.

– Дыши.

Номин судорожно вдохнул. Позвоночник выгнулся ещё раз. Процесс пошёл. Шерсть прорезалась из под кожи, оставив тёмную влажную полосу. Когти с хрустом выдвигались, ломаясь на концах. Клыки вытягивались, разрывая дёсны второй раз.

Он упал на четвереньки. Его рвало кровью – не своей, а чужой. Мышцы дрожали так, будто их пропустили через ток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.